

МИФЫ И МИФОЛОГЕМЫ

С.А. Королев

БЕССМЕРТИЕ ВЛАСТИТЕЛЯ. ЛЕНИН КАК ГЕРОЙ (ПСЕВДО)НАРОДНОГО МИФА

Аннотация. В статье рассматривается весьма любопытный феномен появления Ленина в качестве героя русской народной сказки в первые годы после революции 1917 года. В поле зрения автора оказываются прежде всего сюжеты, связанные с бессмертием или воскрешением властителя. Автор полагает, что рассматриваемый феномен, по всей видимости, имеет больше отношения к народному мифу, народной вере, нежели к сказке как к сложившейся фольклорной и литературной форме. При этом подчеркивается, что даже при наличии определенной фольклорной основы «сказки о Ленине» несут на себе отпечаток явно привнесенной литературности и очевидных идеологически актуальных вкраплений.

Ключевые слова: филология, фольклор, сказка, миф, слух, Ленин, жизнь, смерть, власть, тело.

В 1930 г., на изломе эпох, в год «головокружения от успехов», последовавший сразу за годом «великого перелома», в издательстве «Молодая гвардия» вышла любопытная книжка — «Ленин в русской народной сказке и восточной легенде»¹. В предисловии к ней говорилось: «Со дня смерти Ильича прошло всего шесть лет, и, несмотря на такой короткий промежуток времени, вокруг его имени уже сложилось множество народных песен, сказок, легенд и проч.». Определенная политическая эпоха, впрочем, уже уходящая, по сути, смятая тем самым «великим переломом» 1929 г., сделала попытку утвердить и легитимировать некую новую реальность: народ слагает сказки, песни, легенды, былины о вожде революции; фигура вождя уже вписана в колоритный ряд народных героев типа Ивана Грозного, Стеньки Разина, Емельки Пугачева, Ваньки Каина и прочих незаурядных исторических персонажей.

1. Жанр в пространстве истории

Трудно судить о том, в какой мере произведения, вошедшие в книгу, являются результатом стихийного народного творчества, зафиксированным либо корреспондентами газет, либо людьми, имеющими то или иное отношение к фольклористике, либо, в конце концов, студентами местных вузов, и в какой степени они — результат работы более или менее профессиональных литераторов-стилизаторов.

Во всяком случае, скептицизм по этому поводу — естествен и оправдан. Нельзя не заметить явно привнесенной литературности, искусственности литобработки и очевидных, буквально выпирающих из текста идеологически актуальных вкраплений (типа пассажа о том, что «пригневелого» к земле, с замедленным дыханием вождя «часто слышат съезды партии»).

Однако прежде хотелось бы порассуждать о том, насколько точно определен составителями сборника жанр опубликованных ими фольклорных — или псевдофольклорных, читай, литературных опусов и не имеет ли смысла переопределить его. Едва ли их можно назвать сказками в традиционном для литературоведения смысле слова. Сказка с точки зрения набора персонажей и событийного ряда — это все же пространство вымысла, хотя вымысла не свободного, а, по сути, вырастающего из совокупности почти стандартных элементов, монтируемого подобно некоей строительной конструкции. Сказка создает ткань вымысла, где фигурантами являются весьма абстрактные персонажи: заяц, лиса, волк (если это сказка о животных, так называемый *животный эпос*), мужик, генерал и т. д., если это новеллистическая (социально-бытовая) сказка. Или же, напротив, в этой ткани присутствуют абсолютно ирреальные Баба Яга, Кощей Бессмертный и Иванушка-дурачок (волшебная сказка). Если уж мы не хотим отказываться от самого термина «сказка», то тогда это сказки в том смысле, который вкладывался в это понятие два-три столетия назад и практически был утрачен в современном русском языке: сказка как рассказ, свидетельство о чем-то, описание чего-то (Википедия, кстати, отмечает, что

¹ Пясковский А.В. Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. М.: Молодая гвардия, 1930.

слово «сказка» появляется в письменных источниках не ранее XVII в.).

В этом смысле «Золотой петушок» Пушкина, где петух клюет в темечко зловредного царя, *вообще царя*, — это, несомненно, сказка. А опус про то, как другого царя, носящего конкретную фамилию Ленин и возглавляющего конкретную страну «за морем, за океаном», где время от времени случаются съезды партии, «царя», которого его аглицкий коллега по совету мудрейших из мудрых решил сразить невидимыми лучами, — это нечто иное.

С точки зрения содержания и набора смыслов, эти тесты, скорее, могут быть соотнесены с русской былиной, с учетом, конечно, того фундаментального обстоятельства, что это прозаический, а не стихотворный формат. В былинах мы встречаем, наряду с фигурами мифическими, и конкретных исторических персонажей, от хана Едигея до Ивана Грозного.

Впрочем, возможно, что жанр этих опусов не сказка, а — *быль*, то есть свободное изложение неких неординарных и невероятных событий, преподносимых как нечто имевшее место быть. Во всяком случае, по утверждению составителя сборника А.В. Пяковского, именно так называют свои рассказы передающие их из уст в уста крестьяне, *мужики*.

Быль, быличка, бывальщина².

Хотя в книге можно найти и «ремейки», переделки традиционных сказочных/мифологических сюжетов с введением нового актуального героя в привычную, как бы фольклорную ткань (как например, сказка «Как Ленин с царем народ поделили», записанная, по свидетельству составителя сборника, Лидией Сейфуллиной в 1918 г. в Оренбургской губернии).

И, наконец, миф. В.Я. Пропп, выдающийся филолог-фольклорист, в своей известной работе «Исторические корни волшебной сказки» замечает: «Об отношении сказки к мифу существует огромная литература, которую мы здесь целиком обходим»³. Это замечательный пассаж, отражающий очень рациональный подход к проблематике, и мы позволим себе его заимствовать. Но все-таки некоторые различия следует обговорить. Сам Пропп понимает под мифом «рассказ о божествах или божественных существах, в действительность которых народ верит» и вспоминает в данном контексте древнегреческую мифологию, ссылаясь прежде всего на рассказы о Геракле, которые

«очень близки к нашей сказке»⁴. Миф, полагает Пропп, не может быть отличаем от сказки формально — сказка и миф (в особенности мифы доклассовых народов) иногда настолько полно могут совпадать между собой, что в этнографии и фольклористике такие мифы часто называются сказками⁵.

Но помимо «высокой» мифологии, имеющей дело с фигурами богов и героев и некую, достаточно сложную и притом устоявшуюся литературную форму, существует и иной уровень мифа. Этот миф в значительно большей мере опирается на реальные события, значительно больше связан с повседневными практиками и событиями народной жизни. Пропп упрекает исследователей фольклора в том, что они пытаются, по их же собственному признанию, угадать тот исторический *факт*, который лежит в основе того или иного фольклорного произведения, в то время как следует попытаться понять, каким *явлениям* (а не событиям) исторического прошлого соответствует сказка, в частности, русская сказка⁶. Но примитивная мифология, спонтанно возникающая в народной среде, часто привязана именно к конкретному событию и конкретным, реально существующим или существовавшим историческими фигурам, и тогда становится неразумным и невозможным этот событийный ряд игнорировать.

Эманации этого уровня мифологического сознания можно было бы назвать *народным мифом*. Следы, отблески, отражения это народного мифа обнаруживаются, на наш взгляд, и в книге, где собраны сказки и легенды о Ленине. (Оговорюсь только, что те разновидности народного мифа, с которыми мы сталкиваемся в книге, — это его сильно беллетризованный вариант, вероятно, «исправленный и дополненный», наделенный признаками жанра, являющегося предметом интереса издателей, «дотянутый» до того, чтобы соответствовать избранной составителями форме — народной сказке.)

Эти фрагменты восходят к примитивной народной мифологии, в основе которой — слух. Википедия определяет слух как неподтвержденную информацию, источник которой неизвестен, но при этом информацию достаточно интересную, чтобы быть активно распространяемой⁷. Не вымысел, осознанный вымысел, а слух, некая распространяемая изустно и притом потенциально достоверная, принимаемая на веру версия происшедшего с реальными историческими фигурантами.

² См.: Былички [Электронный ресурс] // <https://sites.google.com/site/russkieskazki/home/bylicki>.

³ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. С. 123.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ См.: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Слух_\(информация\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Слух_(информация))

Но здесь важно не только *что* есть слух — важно и понимание того, что слух — это эманация определенного рода, определенного типа сознания. В частности, А.С. Ахиезер характеризовал слух как *активизацию синкретического массового сознания*⁸.

Выдающийся русский философ А.Ф. Лосев, завершая свою удивительную книгу «Диалектика мифа», написал: «*Миф есть в словах данная чудесная личностная история*»⁹. И еще: чтобы понять миф, надо стать на точку зрения самой мифологии — «вообразить, что мир, в котором мы живем и существуют все вещи, есть мир *мифический*, что вообще на свете только и существуют мифы»¹⁰.

То, что мы читаем в сборнике «сказок» про Ленина, — это именно *чудесные личностные истории*.

Очевидно, в «сказках о Ленине» присутствуют и элементы так называемого нового фольклора (того, что сегодня часто именуют постфольклором¹¹) Во всяком случае, «невидимые лучи» — это уже постфольклорное, нетрадиционное, из XX в. Эта новая «волна» устной народной традиции становится рядом с архаической, крестьянской, патриархальной фольклорной традицией.

Новый фольклор 1910-1920-х гг. представляется явлением синтетическим, вбирающим в себя несколько различных трендов. В том числе, как можно предположить, и традицию политических анекдотов, являющуюся, что очевидно, продуктом городской, а отнюдь не сельской, крестьянской, культуры. И в этом потоке народной культуры, обреченной на то, чтобы оставаться исключительно культурой устной, значительное место занимают анекдоты о Ленине и, в частности, в смерти Ленина¹² (но с совершенно противоположным, по сравнению с опубликованными в книге сказками, знаком: Ленина не пускают в рай, он проникает туда обманом и т.д.).

Очевидно, и рассматриваемые нами «ленинские сказки» появились на стыке ряда социокультурных

феноменов: традиционной сказочной, долитературной или литературной *формы*; эманаций народно-мифологического сознания; сознательно осуществляемого процесса постреволюционной массовой индоктринации, проявившейся в привнесенных профессионалами идеологических коннотациях (о чисто литературных стилизациях, выполненных как бы собирателями фольклора, мы уже не говорим).

Эта народная мифология, основанная на простейшем сюжетостроении, существует в пространстве российской истории с весьма давних времен. Царевич Дмитрий не погиб, наткнувшись на ножичек, покинутый ему ревностными слугами подлого Годунова, а выжил и идет теперь на Москву... Царь Петр Федорович, аналогичным образом, не сгинул, а возродился в облике казака Емельки Пугачева. Иван Антонович... Княжна Тараканова... Старец Федор Кузьмич...

«Царь подмененный» — настоящий погублен боярами, немцами и прибыльщиками. Уверенность в том, что это именно так, побудила донских казаков выступить в самом начале XVIII в. против московского правительства; выступление это стало началом булавинского восстания. При всей кажущейся наивности этой версии, рожденной еще в разгар событий, версии, в которой явно просматривается попытка самооправдания подлежащих жестокому наказанию бунтовщиков, кое-кто из вполне серьезных историков и сегодня считает ее одним из реальных детонаторов восстания Булавина¹³.

Это пространство стихийно возникающего народного мифа с течением времени приватизируется профессионалами, историками и беллетристами. И мифы о якобы избежавших гибели в подвале Ипатьевского дома детей последнего русского царя, царевиче Алексее и царевне Анастасии, — это уже не изустное народное творчество, не «сказки», не слухи, а, скорее, продукт псевдоисторических разысканий алчущих успеха беллетристов.

Думаю, что одно из самых ярких и адекватных определений того феномена, который проявился в историях о не убиваемых, в воде не тонущих, в огне не горящих персонажах, о чуде спасшихся царях и царевичах, нашел А.Д. Синявский, назвавший одну из своих книг «Иван-дурак. Очерк русской народной веры»¹⁴. *Народная вера* — это, в сущности, иное название для феномена, описываемого научным понятием *миф*, но открывающие также некие грани, которых понятие мифа

⁸ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. М.: Изд-во ФО СССР, 1991. С. 100-112.

⁹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 578.

¹⁰ Там же. С. 395.

¹¹ Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2-4; Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор на асфальте // Живая старина. 2007. № 3. С. 2-3.

¹² Любопытный анализ и систематизация такого рода материала содержится в работе: Архипова А.С., Мельниченко М.А. «Вот проценты на ваш капитал!» К вопросу о генезисе и эволюции политического анекдота [Электронный ресурс] // <http://www.ruthenia.ru/document/545661.html>.

¹³ Лесин В.И. Атаман Булавин // Лесин В.И. Силуэты русского бунта. М.: Центрполиграф, 2007. С. 25, 31, 49, 51.

¹⁴ Синявский А.Д. Иван-дурак: Очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001.

не содержит. И стилистически более адекватное этим эманациям народного сознания.

2. *Бессмертное тело*

Когда-то писатель Сергей Довлатов рассказал историю о том, как некая поэтесса написала стихи, в которых были и такие строчки:

*И Сталин мечтает при жизни
Увидеть огни коммунизма...*

Ее вызвали на заседание партбюро и спросили: «Что значит — при жизни? Вы намекаете на то, что товарищ Сталин может умереть?»

Поэтесса отвечала в таком примерно духе: мол, товарищ Сталин как теоретик марксизма и вождь народов бессмертен, но как живой человек и материалист он — смертен. Физически он может умереть, духовно — никогда...

И за этот «материализм» ее тотчас же исключили из партии.

Таким образом, тело вождя (а не только столь неуловимая субстанция, как идеи) — бессмертно, бессмертно *a priori*. Бессмертно потому, что власть в своем самоутверждении не знает и не может знать пределов, пусть даже определенных очевидной рациональностью или законами природы.

Кстати, еще в середине 60-х эту типологическую ситуацию описал в своей знаменитой книге «Миф машины» Льюис Мэмфорд. В числе прочего он заметил, что древним царям приписывалась фантастическая длительность царствования. В шумерском мифе о потопе, замечает Мэмфорд, царь Зиусудра (эквивалент библейского Ноя) награждается вечной жизнью — «как бог».

Мэмфорд считает это проявлением возвеличивания царей древности; но последнее — лишь частный случай процесса самовозрастания власти как таковой: «Но эта раздвинутая хронология была только светской стороной более общей экспансии власти, символизированной в царских притязаниях на бессмертие»¹⁵.

И, наконец, вывод Мэмфорда, с которым трудно не согласиться: «Стремление к беспредельной жизни явилось частью общего раздвижения пределов, к которому привело первое великое сосредоточение власти с помощью средств, созданных мегамашинной. Человеческие слабости и прежде всего смерть были оспорены и отвергнуты»¹⁶.

¹⁵ Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 96-97.

¹⁶ Там же. С. 97.

Знакомство с записками выдающихся археологов наводит на мысль, что устройство пирамид и мавзолеев — это, в сущности, довольно грубая попытка удержать, материализовать эту ситуацию бессмертия смертного тела. Но как только материализация начинает осуществляться, миф о бессмертии рушится. Мне кажется, очень убедительно это показал Достоевский в известном фрагменте о смерти старца Зосимы из «Братьев Карамазовых». Тело бессмертно, пока факт его бессмертия не начинают устанавливать эмпирически. Сам акт проверки, *плод сомнений*, оказывается крахом мифа: миф неодолим, лишь пока он бесспорен...

Трудно объяснить, почему на этом весьма колоритном историческом фоне, в тени пирамид и холоде саркофагов, и в рамках той традиции народной мифологии, о которой говорилось выше, в ситуации реальной смерти Ленина не могли появиться и оформиться — в той или иной литературной или долитературной форме — спекуляции на тему о том, что вождь жив, вот-вот вернется и, фигурально выражаясь, отдерет за бороды зарвавшихся бояр. Очевидно, могли и даже должны были.

И, конечно, чудо возрождения, воскрешения, традиционная сюжетная составляющая огромного множества волшебных сказок. «В мифе и в архаических формах богатырской сказки, — пишет В.М. Жирмунский, — наличествует... тенденция: сохранить герою физическое бессмертие»¹⁷. Этой общей тенденции богатырской сказки и древнего эпоса соответствует мотив магической неуязвимости героя. Кстати, тот же Жирмунский вспоминает в этом контексте формулу русских былин об Илье Муромце — «смерть ему на бою не писана». В этом смысле Ленин как герой приводимых ниже сказок оказывается не на высоте, демонстрирует свою частичную уязвимость: невидимые лучи не убивают его, но обездвиживают, причиняют фатальный и необратимый вред здоровью. Сюжетный поворот, лежащий, несомненно, на периферии традиции, вне мифологического мейнстрима.

Примечательно, что эта народная то ли вера, то ли мечта о воскрешении абсолютно совпадает с детским восприятием. В свое время смерть Ленина оказалась

¹⁷ Жирмунский В.М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958. Далее автор поясняет: «Широко распространен сюжет, характерный для оптимизма народного творчества, в котором богатырь, убитый своими коварными родичами или врагами, часто при участии неверной жены или изменницы-сестры, воскресает благодаря помощи либо своего чудесного коня, который приносит ему живой воды (или лечебного зелья), либо благодарного животного, как в волшебной сказке, либо “небесной девы”, его будущей невесты, либо верной жены или сестры...»

событием, которое произвело сильнейшее впечатление на только на взрослых, но и на детей. В детских учреждениях Москвы воспитанники, под руководством воспитателей, играли в «смерть Ленина», и эти игры, детские речения и реакции, были запротоколированы педагогами. Мальчики по очереди ложились на стол, изображая Ленина, остальные в это время ходили вокруг стола, олицетворяя рабочих и народ, прощающийся с Ильичем. Все детские песни в эти дни замещались похоронными маршами и, порой, «Молодой гвардией». На столе или на носилках одного из детей несли по комнатам в зал (символизирующий Красную площадь). Кто-то из детей говорил речь, изображая товарища Троцкого. Затем дети пели похоронный марш и «Интернационал». Детсадовец лет семи взбирался на импровизированную трибуну и обращался к гипотетическим «массам» с призывом: «Товарищи! Ленин умер, а мы должны быть коммунистами!». И вот, в контексте этих чудовищных, но не вызывавших никакого протеста ни со стороны детей, ни со стороны взрослых игр, дети задумываются о погребении Ленина: «А как его будут хоронить? А ему сделают как всем?» «Говорят, его тело сожгут. По-моему, рабочие не дадут сжечь» (это говорит семилетний мальчик). «Лучше бы его не хоронить, а оставили бы дома в гробу лежать», — догадывается, наконец, кто-то из воспитанников детсада. «Лучше Ленина не хоронить, а положить в сундук — он выздоровеет», — говорит другой. «Я Ленина гроб сломаю, чтоб он *оживел*», — обещает третий¹⁸.

Дети не то чтобы *верят* в чудо; они не понимают разницы между чудом и не-чудом, не ощущают грани между ними. Им даже не надо *вообразить, что мир, в котором мы живем и существуем, есть мир мифический, что вообще на свете есть только мифы*, как о том говорил Лосев. Маленький человек уверен, что личностная история может быть только мифологической (хотя, естественно, не знает таких слов), только чудесной, и никакой иной. В этом смысле у маленьких детей вполне мифологическое сознание.

В то же время это сознание в равной мере и мифологическое и, так сказать, «сказочное». Ибо дети до определенного возраста не различают фигур очевидно вымышленных, всех этих Кошечев, Иванушек-дурачков и Царевен-лягушек, — и обитателей реального мира, перемещенных в фантазийное, сказочное, мифологическое пространство, от Ивана Грозного до Ленина. Грозный царь Иван, затесавшийся в народную песню или былинку, для них такой же реальный и в то же время нереальный персонаж, как Соловей-разбойник.

Не хотелось бы заканчивать этот сюжет банальной метафорикой типа «народ — большой ребенок»; ограничимся констатацией того, что поднятая тема нуждается в изучении и осмыслении.

Иными словами, миф о бессмертии властителей — это не только самообман *людей-у-власти*, особенно, носителей власти высшей, высочайшей, не только матрица, которую они пытались и пытаются вложить, встроить в головы подданных. Это то, что существует, пусть не в столь категорической и, может быть, чуть расплывчатой форме в сознании этих подданных, не только и не столько детей, разумеется. Причем существует не только благодаря интенсивной массовой индоктринации, «пропаганде», а составляя неотъемлемую, органическую, имманентную часть их сознания. Традиционалистского сознания, для которого фигура властителя сливается с фигурой отца.

Традиционная власть и традиционалистское, в значительной степени даже патриархальное сознание — это симбиоз, некие взаимообуславливающие координаты определенного типа социума.

Речь идет о сознании, для которого характерно неприятие перемен, сознании, обращенном в прошлое (ориентированном на то, что А.С. Ахиезер называл *статичным идеалом*). А смена властителя (как бы он ни назывался — царем, президентом, генсеком, фюрером или как-нибудь еще) — это главная и все остальное предопределяющая переменна. Пусть *Он* вернется, и все будет по-старому. И старинные добродетели вернет. И, кстати, новые злоупотребления, расплодившиеся после его смерти, пресечет. Желание возврата назад переопределяет реальность и наделяет ее свойствами, параметрами и, главное, фигурами, гарантирующими перспективу этого возврата. Движение этих фигур опирается на стихийно возникающие, затем совсем не стихийно (или не только стихийно) воспроизводимые, а чаще сознательно гальванизируемые ментальные фантомы: слухи (прежде всего), песни, сказки, на проявления народной мифологии и народной веры. «Нежелание принять происходящее, очевидное, как оно есть, поверить, что все это именно так и обстоит, разворачивается в микротheater социальных марионеток со всеми его тайнами, переносами, упрощениями и сведением к традиционно-привычному, которые наконец-то делают происходящее «понятным» простаку (редукция сложности), — пишет Б.В. Дубин. — Собственно, слух проявляет все основания традиционной власти, власти в обществе, не имеющем других референтных инстанций и вех, кроме конструируемой или фантомной традиции: чудо — тайна — авторитет»¹⁹.

¹⁸ Дети дошкольники о Ленине / Под ред. Р. Орловой. СПб: Красный матрос, 2007 [репринт издания 1924 г.]. С. 16, 58.

¹⁹ Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001. С. 77.

Чудо и авторитет — это если не близнецы-братья, как Ленин и партия, то субстанции, существующие в истории рядом и оплодотворяющие друг друга.

3. Слухи и санкции

Так или иначе, когда перелистываешь книгу «Ленин в русской народной сказке», мысль о некоей направляющей и корректирующей устное народное творчество твердой идеологической руке возникает сама собой. Причем корректирующей в определенном, жестко заданном направлении и при этом в духе благостном и апологетическом, встраивающей это творчество в контекст мифа о неизбывной народной любви. А ведь мы знаем, что отношение народа (и крестьянства как фундамента этого народа) к властителям далеко не всегда было, мягко говоря, идиллическим. Целый сонм событий, от Кронштадтского восстания 1921 г. и знаменитой «антоновщины» до нынешнего концентрированного скепсиса в отношении всех существующих властей, выплескивающегося во всемирную Сеть в самом колоритном и многокрасочном виде, подтверждают это как нельзя более убедительно.

И в этой новой, постреволюционной фольклорной или, если хотите, постфольклорной волне заметна некая тенденция: сюжеты выстраиваются вокруг главного события (или, если хотите, События) — смерти властителя. С его последующим, в той или иной форме, возвращением в Жизнь. Появление мессии — смерть (кончина, убийство, умерщвление мессии) — возрождение, воскрешение мессии.

Функция сказки/народного мифа — обеспечить возможность правителю избежать если не смерти физической, то смерти метафизической, избежать даже не забвения, а недопустимого уравнивания с иными, прочими, обычными людьми (перефразируем Пушкина: властитель если и смертен, то не так, как все прочие, по-иному).

Смерть Ленина, как известно, породила огромное количество слухов и совершенно фантастических версий, которые скрупулезно фиксировались сотрудниками ОГПУ и попадали в ежедневные спецполитсводки данного ведомства:

«На почтамте и Казанском вокзале смерть Ленина связывалась якобы с раздором в партии».

«В Можайске распространились сведения об отъезде Троцкого за границу и назревающей войне».

«Ходят слухи, что Ленина уже отстранили и что нужно ожидать перемен».

«Распространяются слухи, что т. Ленин умер уже 6 месяцев назад и все время был в замороженном виде, и только благодаря требованию съезда Советов,

чтобы Ленин был показан живым или мертвым, пришлось объявить о его смерти. В связи с этими слухами наблюдается выемка вкладов из сберегательных касс».

«В пекарне «5 МСПО распространяются слухи о созыве Учредительного собрания».

«В Иркутском линотделе милиции распространяются провокационные слухи о демонстрации безработных в Москве, которые явились в Кремль и потребовали для переговоров т. Ленина, но вместо него была выслана армейская часть с пулеметами, причем красноармейцы стрелять отказались. Высланные курсанты и комсомольцы расстреляли несколько сот безработных. Кроме того, говорят о еврейском погроме в Москве, что Ленин жив и уехал за границу вместе с Троцким»... (Эти и многие другие аналогичные примеры содержатся в публикации архивистов Л. Кошелевой и Н. Тепцова «Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ»²⁰).

Кстати, в свое время автору довелось познакомиться в бывшем партийном архиве (тогда, после ухода КПСС с исторической сцены, уже переставшем быть партийным) с анонимными письмами и открытками, полученными Лениным на протяжении 1917-1918 гг. Речь тогда шла о публикации подборки этих писем в одном из архивоведческих изданий. Нелегко описать степень ненависти к будущему вождю, содержащуюся в этих посланиях. О форме даже не приходится говорить — даже простое перечисление того, что авторы писем собирались сделать с Лениным, невозможно в печатном издании. Я уже не говорю об обилии ненормативной лексики. Поэтому трудно поверить, что не появлялось в русской устной, фольклорной традиции «сказок» (в любом смысле этого слова), где Ленин представлялся бы антихристом и врагом рода человеческого. Но, если таковые и были, они имели мало шансов сохраниться в пространстве истории, поскольку в советское время их, конечно же, не собирали, не записывали и если рассказывали, то только с оглядкой, лишь очень близким и доверенным людям.

И весь этот исторический фон, выраженный, разумеется, не только в немногих фрагментах донесений советской тайной полиции, приведенных выше, но и в том, что мы знаем об истории революции и гражданской войны в России, наводит нас на мысль, что весьма и весьма вероятно некая селективность в отборе текстов, вошедших в многократно цитированную нами книгу 1930 г.

²⁰ Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ. Публикация Л. Кошелевой и Н. Тепцова // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М., 1993. С. 9-24.

Хотя, как отмечают А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, «согласно сводкам ГПУ, прямой протест в деревне против “мероприятий Соввласти” выражается, в основном, в частушках, реже в песнях, еще реже — в других формах»²¹.

Так или иначе, эпоха, когда каким-либо фольклорным или квазилитературным фантомам могло быть дозволено стихийно, почти автономно от директив партии и указаний ее нового вождя складываться вокруг имени Ленина (см. уже цитированное выше предисловие к книге «Ленин в русской народной сказке»), — эта эпоха к началу 30-х годов прошлого века явным образом заканчивалась. Власть, которая в первые послереволюционные годы как будто пыталась прислушиваться к «голосам из хора» и к самому этому народному «хору» в целом, вслушивалась в его голос, мощный, звучащий в различных регистрах, хотя и деперсонализированный, на рубеже 20-30-х решила, что она сама будет транслировать вниз, в народ, то, что станет его, народа, голосом. Наступала эпоха беспредельного, порой иррационального самоутверждения власти, подразумевавшей, что физическое тело вождя — вечно и бессмертно, бессмертно *argiogi*. И что физическое бессмертие вождя даже не подлежит обсуждению, как было показано в коротеньком фрагменте из записок Довлатова.

На рубеже 1920-1930-х гг., отмечают А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, складывается следующая ситуация: органы власти (ОГПУ/НКВД, цензура, парткомы) считают необходимым регулировать низовые спонтанные традиции, разделяя их на «неправильные» и «правильные»²². Все «неправильное» выжигается с использованием НКВД; это уже время, когда за антисоветскую частушку, анекдот или песенку можно заработать серьезный срок лишения свободы.

В 30-е годы спонтанность, подлинная фольклорность, особенно связанная с драматическим соприкосновением старого, традиционного сознания, носителем которого являлось прежде всего крестьянство, и новых пластов политической жизни, поднятых революцией и гражданской войной, вытесняется очевидно искусственными продуктами профессиональных обработчиков, выполняющих политический заказ власти. А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов приводят пример такого рода искусственного, «советского», фольклора:

*Пробудись-ка, восстань, дорогой Ильич,
Посмотри-ко, взгляди на славну матушку,
Славну матушку, каменну Москву,*

²¹ Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в закрытом обществе // НЛО. 2010. № 101.

²² Там же.

*Ты зайди, зайти во палаточку,
Во палату — кабинет же свой...²³*

Легко видеть, что тематически этот фрагмент полностью вписывается в сюжетную номенклатуру «сказок о Ленине», которые являются предметом данного очерка.

Бессмертие царя, властителя, господина, вождя, овладение жизнью и смертью и произвольный переход властителя от одного состояния к другому стал официальным, хотя, скорее, имплицитным, не проговариваемым вслух мифом новой власти. Значительно позже эта презумпция отлилась в чеканную формулу: «Ленин — жил, Ленин — жив, Ленин будет жить!»

Правители СССР, впрочем, в этом смысле отнюдь не были оригинальны, они шли по пути наиболее амбициозных авторитарных режимов, существовавших начиная с глубокой древности — вспомним здесь уже процитированные выше пассажи Л. Мэмфорда.

Ассоциации с нашей совсем недавней, а отчасти и современной политической действительностью, которые вызывают публикуемые ниже тексты (бесперебойное функционирование власти при политически вечном, бессменном и притом элегантно уклонившимся от смерти вожде), делают их особенно многозначительными и в чем-то даже забавными. Что же касается перемещения тела вождя из Мавзолея («марзолея») вовне и обратно, то этот сюжет, безусловно, провокативен, хотя, возможно, сейчас уже не столь актуален, как в 90-е. Позволю себе высказать мнение, что если Ельцин, при всей его амбициозности и ощущении своей исторической миссии, при всей его склонности к театральности и политическим эффектам, не решился вынести тело Ленина из Мавзолея, то едва ли на это решатся его преемники. Во всяком случае, в обозримом будущем. Тем более что постельщинской политической эпохе свойственно не идеологическое, а весьма прагматическое отношение к действительности, свободное от какого-либо рода «национальной идеи» или «национальных идей»²⁴.

И последнее замечание. Составители сборника 1930 г. указывают, что сказка «Скоро проснется Ильич» была записана Родионом Акульшиным в одной из

²³ Запись этого плача опубликована в «Правде» в 1937 году. Цит. по: Иванова Т.Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. М.: Ладомир, 2002. С. 443.

²⁴ Подробнее см.: Королев С.А. «Национальная идея» как инструмент электорального воздействия: управляемая демократия в поисках идеологической опоры // Режим Путина: идеи и практика. М., 2005.

деревень Вятской губернии и составлена, видимо, не ранее 1925 г. А второй воспроизводимый ниже текст, «Ленин не умер — он жив», был записан в Иваново-Вознесенской губернии Иваном Поповым в конце того же 1925 г. Воспроизведем здесь это ремарки буквально, сохранив, впрочем, за собой право воспринимать их с той долей доверия или скептицизма, которую оставила нам обтекающая нас, проходящая сквозь нас российская история.

СКОРО ПРОСНЕТСЯ ИЛЬИЧ

Вятская сказка

Вот сидит один раз Ленин у себя в комнатке после обеда и разные книжки и газеты почитывает. Только в какую газету ни заглянет, какую книжку ни раскроет, всё про себя чтение находит:

«Дескать, что нам перед Антантой страшиться, что перед Америкой бояться, когда у нас есть Владимир Ильич Ленин».

Чудно стало Ленину. Встал он со стула венского, походил по комнатке и говорит сам себе: «Ладно, так и сделаю».

А после того посылает своего посыльного к главному советскому доктору. Приходит доктор, а Ленин ему и говорит:

— Можешь сделать так, чтобы я умер, только не совсем, а так, для виду?

— Могу, Владимир Ильич, только зачем же это?

— А так, — говорит, — хочу испытать, как без меня дела пойдут. Чтой-то все на меня сваливают. Во всяком деле мной загораживаются.

— Что ж, — отвечает доктор, — это можно. Положим тебя не в могилу, а в такую комнату просторную, а для прилику стеклом накроем, чтобы пальцем никто не тыкал, а то затычут.

— Только вот что, доктор, чтобы это было в пре-большом промежду нас секрете. Ты будешь знать, а да еще Надежде Константиновне скажем.

И скоро объявили всему народу, что Ленин умер.

Народ заохал, застонал, коммунисты тоже не выдержали — в слезы. Все думают, сердцем трупыхаются: что теперь делать будем? Того и гляди, англичане с французами присунутся.

А самый старший — Калинин — уговаривает:

— Что же поделаешь. Это не в нашей власти... Слезами горю не поможешь. Ну, поплакали малость, ну и ладно, за дело надо браться.

Положили Ленина в амбаришко, марзолей называется, и стражу у дверей приставили. Проходит день, два... неделя, месяц — надоело Ленину лежать под стеклом.

Вот один раз ночью выходит он потихоньку задней дверью от марзолея и прямо в Кремль, в главный дворец, где всякие заседания комиссарские.

В дверях его пропустили, потому в кармане у него пропуск бессрочный лежал, а шапку он надвинул пониже, чтобы не узнали.

Приходит туда Ленин, а заседания уже все закончились, и служители полы подметают.

Ленин спрашивает:

— Кончилось?

— Кончилось.

— Не знаете, о чем говорили?

— Да о разном... Слышь, англичане с нами хотят подружиться, а там еще какие-то державы. Мы ведь в щелку слушали, краем уха... не поняли.

— Так, так, а про Ленина не поминали?

— Как же, поминали... Вот, говорят, Ленин умер, зато коммунистов-то чуть не в два раза больше стало. Теперь только пикни антанта.

— А она не пищит?

— Да покуда, в час молвить, не слышать.

— Так, так, — поддакнул Ленин и простился со служителями.

Пришел он в марзолей, лег под стекло, думает:

«А ведь ничего, работают и без меня. Ладно. Проверю еще кое-где... Завтра к рабочим на завод схожу».

На другую ночь отправился Ленин на завод. Там его тоже не задержали, прямо в машинную часть провели. Ночью народу на заводе мало, только-только чтобы пары не затухали, держат машиниста, смазчика да кочегара, сторожей еще, чтобы шпионы чего не подсудобили.

«Хватит и этих, — думает Ленин, — мне ведь не митинги разводить, только поспросить кой о чем».

— Здравствуйте, товарищи.

— Здравствуй.

— Ну, как?

— Да ничего... Сходственно.

— Беспартийные?

— До смерти Ленина в беспартийных ходили, а теперь в коммунистах. Ленинцы.

Ленину это по сердцу маслом.

— А в работе задержки нет? А товаров много выпускаете?

И начал, и начал вопросами донимать.

— Да скоро с мирным временем сравняемся.

— Ну, работайте, работайте, в час добрый, а пока прощайте.

«Тут ладно, — думает Ленин по дороге в марзолей, — теперь только мужиков проведать, узнать про их житье-бытье!»

На третью ночь Ленин встал раньше: ведь дойти до станции, да дорога, да еще, пожалуй, от глухой станции до деревни пешком итти придется.

В деревню он поехал в какую похуже, чтобы наглядней было. В одной избушке огонек светился. Пошел Ленин.

– Можно отдохнуть у вас?

– Заходи.

Входит Ленин и диву дается. Икон нет. Красные плакаты везде. Портреты. Ленин нарочито спрашивает:

– Вы что же, некрещеные?

– Мы, товарищ, в гражданах состоим, а в нашем доме читальня, а это вот — уголок Ленина.

«И тут помнят меня», — думает Ленин.

– Ну, а как житье-то мужицкое?

– Да не так чтоб уж очень, а все-таки вроде как налаживается. Теперь, слышно, к деревне не задом, а лицом повернулись. Ленин-то давно про смычку говорил своим коммунистам, ну вот теперь, видно, задумали сомкнуться, давно бы пора.

Вышел Ленин из избы радостный, в мавзолей лег успокоенный, спит вот уже много дней после своих странствований.

Теперь уже, наверное, скоро проснется.

Вот радость-то будет.

Ни словами не расскажешь, ни чернилами не опишешь.

ЛЕНИН НЕ УМЕР — ОН ЖИВ

Иваново-вознесенская сказка

Было то в тысяча и девятьсот первом году, на аглицкой земле, в золоченой хороме государевой. Призывает к себе царь холопьев своих, министров, фабричных хозяев. И говорит такие слова:

– Люди знатные, богатеи вельможные, невозможно нам землями ведати, народные дела вершители. Появился на землях наших родных враг хитрый, обольстительный.

Переглянулись тут холопья царские, министры, фабричные хозяева. И держали речь на слова царские:

– Государь наш аглицкий, прикажи холопам своим изловить и сковать в цепи железные того врага хитрого, обольстительного, что мешает землями ведати, народные дела вершители.

И промолвил царь аглицкий:

– Ни холопы наши, ни хозяева фабричные и ни министры мои умные не поймут того врага лютого, обольстительного. В других землях, за морем, за океаном живет он и оттудова посылает гонцов своих для распри к народу моему возлюбленному.

Тут обрадовались холопы царские, министры, фабричные хозяева.

– Государь наш аглицкий, прикажи державе той, где живет враг лютый, обольстительный, выдать нашим посланникам его голову окаянную, или мы, земля аглицкая, пошлем воином на ту страну.

Запечалился государь аглицкий на теи слова и промолвил с растяжкой:

– Невозможно словити врага лютого, обольстительного, что мешает землями ведати, дела вершители. Прозывается он Лениным-бусурманином. Сам он правит державой той, за морем, за океаном. Суда наши не дойдут до державы его — перетонутся. Пушки наши не стрелнут ядрышками — порассыплются. Солдаты мои не пойдут на народ — разбунтуются. Подослать кого для придущия — не пропустит держава советская, а охрана народная российская бережет свою главного. Невозможно тягаться с Лениным!

Занедалились холопы царские, министры, фабричные хозяева и не знали, какое слово вымолвить, какой совет советовать. Поднялся тут самый старый холоп. Подошел ко столу со смирением, со словами мудреными:

– Государь ты наш аглицкий, не прими мое слово в насмешечку, прикажи отпустить из казны твоей денег золотом. Изобрел я средство драгоценное для врагов твоих и державы аглицкой. И то средство — не лекарство, не крупинки в порошках больным и не пушка самострельная. А то средство — невидимое, прозывается лучевой волной, незаметною. Наведем волну прямо на Ленина. И подохнет он, будто сам умрет.

Повскакали с мест люди царские. Государь вскочил без подмоги слуг. Закричали все:

– Ты — спаситель наш. Мы казной своей раскошелимся, наруши врага-обольстителя.

...С той поры занемог Ленин-бютюшка, через средство невидимое, что назвал холоп лучевой волной, незаметною. Заболел отец, на постель прилег, и закрылись глаза его ясные. Но не умер он, не пропал навек...

Лучевая волна промахнулась. Головы его не затронула. Только с ноженек пригнала к земле да и дыхание призамедлила. Ленин жив лежит на Москве-реке, под кремлевской стеной белокаменной. И когда на заводе винтик спортится или, скажем, у нас земля сушится, поднимает он свою голову и идет на завод, винтик клепают, а к полям сухим гонит облако. Он по проволоке иногда кричит, меж людьми появляется. Тот, кому довелось внимать речи его, тот навеки пойдет путем правильным. Часто слышат его съезды партии, обездоленный трудовой народ. Только видеть его не под силу нам. Лучевая волна незаметная закрывает его от лица людей.

Список литературы:

1. Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в закрытом обществе // НЛО. 2010. № 101.
2. Вайскопф М. Красный чудотворец: Ленин в еврейской и христианской традициях // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. М.: Сэфер, 2001.
3. Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛО, 2001.
4. Жирмунский В.М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М: Правда, 1990.
6. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 2-е изд., репринтное. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.
8. Пясковский А.В. Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. М.: Молодая гвардия, 1930.
9. Сиявский А.Д. Иван-дурак: Очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001.
10. Слухи в истории России XIX–XX веков. Неформальная коммуникация и крутые повороты российской истории. Сб. статей / под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2011.

References (transliteration):

1. Arkhipova A.S., Neklyudov S.Yu. Fol'klor i vlast' v zakrytom obshchestve // NLO. 2010. № 101.
2. Vayskopf M. Krasnyy chudotvorets: Lenin v evreyskoy i khristianskoy traditsiyakh // Kontsept chuda v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii. M.: Sefer, 2001.
3. Dubin B.V. Slovo — pis'mo — literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kul'tury. M.: NLO, 2001.
4. Zhirmunskiy V.M. Epicheskoe tvorchestvo slavyanskikh narodov i problemy sravnitel'nogo izucheniya eposa. Doklad na IV Mezhdunarodnom s'ezde slavistov. M., 1958.
5. Losev A.F. Dialektika mifa // Losev A.F. Iz rannikh proizvedeniy. M: Pravda, 1990.
6. Meletinskiy E.M. Poetika mifa. 2-e izd., reprintnoe. M.: Izd. firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995.
7. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. M.: Labirint, 2000.
8. Pyaskovskiy A.V. Lenin v russkoy narodnoy skazke i vostochnoy legende. M.: Molodaya gvardiya, 1930.
9. Sinyavskiy A.D. Ivan-durak: Ocherk russkoy narodnoy very. M.: Agraf, 2001.
10. Slukhi v istorii Rossii XIX–KhKh vekov. Neformal'naya kommunikatsiya i krutye povoroty rossiyskoy istorii. Sb. statey / pod red. I.V. Narskogo i dr. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, 2011.